

Мидас

Быль

четвертого
разряда

Художник Н. Крацин

— Улитка!
 — Улей!
 — Ульяновск!

— Нет, Дима, мы договаривались: имена собственные не называть.

— А разве это имя собственное? Ульяновск — это город.

— Ульяновск — это собственное имя города.

— Ну... Тогда — усы.

— У... уловка... Маша, ну что ж ты молчишь?

— Я думаю, мам.

— Десять... Девять... Восемь... Семь...

— Ухо!

— Уховертка!

— Ужимка!

— Утка!

— Утконос!

— Так нечестно! Мама, он мои слова добавляет, а сам не придумывает.

— Но слова ведь правильные.

— Неправильные!

— Машка, утконосы в Австралии живут!

— Не живут! Потому что так нечестно! Придумай слово сам!

— Дети, дети, не надо спорить!.. Ой, вот и папа... Приползло.

Василий Зайцев осторожно вставил ключ в замок, стараясь, чтобы щелчок никого не потревожил. Часы показывали четверть первого ночи. Кажется, с полчаса назад они тоже показывали четверть первого. Значит, время остановилось, и теперь, вместо того чтобы крутиться, как положено, Земля дергается туда-сюда, швыряя его, Василия, от стены к стене. Потрясенный этой догадкой, он испугался, что ночь никогда не кончится, но сразу же взял себя в руки. Бывало и хуже, твердо сказал он себе, глядя на раскачивающуюся дверь. Например, когда сосед устроил потоп и Димка простыл...

Василий повернул ключ на два оборота и толкнул дверь. Она не открылась. Может, это не его дверь? Или не его ключ? Но ведь ключ повернулся, значит — подходит. А может, и дверь, и ключ — не его?.. Зайцев поднял голову, присматриваясь к ускользящей табличке с номером. Пятьдесят четыре, все в порядке. Он повернул ключ на три оборота в другую сторону, и теперь дверь с резким щелчком открылась. За ней стояла Наташа, уперев руки в бока.

— Ну? — грозно спросила она.

— Я... Хлюч... Он теперь в другую сторону от...крывается.

— Это еще почему? — удивилась жена.

— Она не кхрутится, а так — туда-сюда, туда-сюда. И когда туда, то нормально от...крывается, а когда сюда...

— Кто — туда-сюда? Что ты несешь?

— Земля! — воздев палец к небу, произнес Василий, стараясь не дышать жене в лицо.

— Ах, Земля! — протянула она сладким голосом, от которого Василий невольно поежился. — Ты где был?

— Я... Мы... — Он попытался изобразить руками размер предполагаемого шкафа, который предполагаемо помогал нести предполагаемо куму, но задел вешалку, и оттуда с тяжким вздохом свалилась шуба.

— Что — мы? — Голос Наташи уже не был сладким, грозя сорваться.

— Не надо, — четко произнес Василий, поднимая руки.

— Удочка! — донесся из комнаты победный вопль Димки. — Мама! Твоя очередь!

— Да, теперь — моя очередь! — выкрикнула Наташа, отвешивая мужу пощечину. — Ублюдок ужравшийся! Упырь! Сколько же ты будешь пить мою кровушку? Упился до умопомрачения, увалень чертов!

— Неправда, — еле проговорил Василий, чувствуя внезапное просветление.

— У-убью! — заголосила жена, заноса над головой итальянской породы сапог с тяжелой подошвой.

— Не надо, — снова выговорил Василий, но просветление уже превратилось в яркий белый свет, сменившийся полным мраком. Загулявший муж медленно сполз на развалившуюся по полу Наташину шубу.

Наташа ошеломленно стояла с орудием возмездия в руках. Глаза Василия были закрыты, он лежал на спине, но руки и ноги совершали странные движения, словно он куда-то плыл.

— Васенька! — всхлипнула Наташа и уронила сапог.

Василий издал булькающий звук и поплыл быстрее. Теперь уже и голова его стала биться о пол.

— Васенька, зайчик мой! — заплакала жена, падая перед ним на колени. — Что ж я наделала?

Руки Василия дернулись и замерли. Ноги еще продолжали елозить по полу, сминая дорожку, но вот остановились и они.

— Васенька! Родной! — выговорила Наташа сквозь плач. — Я все прощу! Я что угодно сделаю, только скажи что-нибудь!

Глаза Василия на мгновение открылись, и он четко произнес:

— Не надо.

Затем помрачение превратилось в глубокий сон.

— Ох, мама! — стонал он утром, хватаясь за голову. — Ох-ох!.. Больше никогда пить не буду. Ни капли в рот не возьму.

— Болит, милый? — искренне сочувствовала жена.

— Ой, раскаляется!

— Может, мне за пивом сбежать, пока дети спят?

От удивления Василий на секунду даже забыл о головной боли и приподнял голову над подушкой.

— За пивом?.. Ты принесешь... пива?

— Ну как же я могу смотреть на твои мучения? — Она надеялась, что пиво поможет. Ведь помогало же раньше. Правда, тогда не было сапога... — А пока я тебе водички дам. Попей, полежи, а я в магазин сбегая.

Потрясенный Василий рухнул на подушку, скривившись от нового приступа жестокого бодуна. Что с ним было вчера, он не помнил...

Из кухни вернулась Наташа со стаканом в руке. Василий приподнялся на локте, чувствуя ужасную слабость, взял стакан и с удовольствием отхлебнул. «Жигулевское», решил он, причем свежее.

Наташа возилась в прихожей, натягивая злосчастные сапоги.

— Ты куда?! — заметно приободрившись, крикнул Василий.

— В магазин. Ну, за пивом же.

— А это? — Он поднял стакан с желтой жидкостью, покрытой тонким слоем белой пены. — Больше нету?

— Это вода.

— Как?! — Василий озадаченно уставился на прозрачные грани, за которыми на стенках роились пузырьки. Понюхал жидкость в стакане, затем сделал новый глоток. Пиво как пиво! — Наташа, это пиво. — И отхлебнул еще раз. — «Жигулевское».

— Какое пиво? — Жена вышла из прихожей в одном сапоге, держа второй, тот самый, в правой руке.

— Ну... ты шутишь?

— Это — вода, я из крана... — И тут, различив цвет жидкости в стакане, она осеклась и подозрительно глянула на мужа. — А ну-ка, дай посмотрю. — Осторожно понюхала, а затем сделала маленький глоток. — Ой, Вася! И вправду — пиво. Откуда?

— Разве у нас в кране пиво? — саркастически спросил Василий, заметно веселея.

Наташа умчалась на кухню. Оттуда послышался плеск, и через минуту она вернулась с банкой воды.

— Вот что у нас в кране. А где ты взял пиво?

— Вода... — разочарованно протянул Василий, глядя на банку. — Дай хлебнуть.

Наташа передала мужу банку, но как только его рука охватила ее, вода там словно вскипела. От неожиданности Василий едва не выронил банку, но вода уже перестала бурлить, выдав на-гора хороший слой пены, и приобрела янтарно-желтый цвет.

— Ох! — только и сказала Наташа.

— Пиво, — обреченно констатировал Василий, продегустировав продукт. — «Жигулевское».

Пиво получалось практически из любой жидкости, когда Василий брал в руки банку, чашку или бутылку. Из сырой воды получалось «Жигулевское», из кипяченой — светлая «Оболонь». Чай превращался в «Оболонь» темную, а кофе —

в темное пиво, судя по всему, чешское. Из пастеризованного молока выходил светлый «Янтарь», из кипяченого — темный. Из «Пармалата» получалось что-то ужасное, но тоже, несомненно, пиво.

Поначалу это забавляло Василия, пока он не убедился, что превращение вовсе не зависит от его желания. Когда он случайно задел дорогой английский шампунь, тот выстрелил крышкой и превратился в ирландский эль. И вскоре Василий уже не мог избавиться от запаха пива. Казалось даже, что он потеет пивом.

Но на работе его фокус с превращением воды в пиво имел бешеный успех. Приходили даже мастера из соседних жэков или просто смутные знакомые, чтобы подивиться и, само собой, угоститься. Был испорчен любимый аквариум главного инженера Инны Степановны, вода в котором превратилась в вариацию «Жигулевского», а барбусы — в сушеных окуньков.

Инна Степановна тотчас же востребовала компенсацию, заставив Василия обнять сорокакубовый чугунный бак. Совершив это объятие, Василий едва держался на ногах (все-таки чудесная метаморфоза не проходила бесследно!), а главный инженер в сопровождении бака поменьше и двух маляров куда-то укатила на грузовике...

Но разочарование, причем истинное, ждало впереди. К вечеру управдом Михаил Сергеевич смекнул, что пиво без водки — это выброшенные на ветер деньги, и, хотя деньги никто не выбрасывал, вскорости вернулся с полуторалитровой бутылкой самогона. Сообразили закуску, Михаил Сергеевич самолично разлил самогон по пластмассовым стаканчикам и провозгласил тост:

— За чудотворца!

Все дружно запрокинули стаканчики и бешено завращали глазами в поисках, чем запить и закусить. Водопроводчик Фомин оказался проворнее слесаря Сидорова, выхватив у того помидор прямо из-под алчущей длани. И лишь Василий Зайцев сидел неподвижно, с

тихим ужасом глядя на свой стаканчик. Там вместо самогона пенилось пиво.

— Ты что? — осторожно спросил Фомин.

— Пиво, — горестно произнес Зайцев и опрокинул содержимое стаканчика себе в рот. — «Балтика», номер шесть, — добавил он после некоторого молчания.

В конце концов ему все-таки удалось напиться самогона, по-ковбойски хватая стаканчик зубами. Напился он так, что следующим утром не помогало даже пиво, да Василий на него теперь и смотреть не мог.

И так, дар Божий превратился в настоящую проблему. Стоило взять рукой любую посудину с любой жидкостью, и... Перчатки, а также строительные рукавицы не помогали. И Василий решил обратиться к врачу.

— Ты что? Какой же врач от этого лечит? — возразила Наташа. — Ты же чудом станешь, похлеще чернобыльского тельца. Затаскают только везде.

Василий представил, как его заставляют делать ударными темпами пиво для всей страны, и вынужден был согласиться.

— Лучше к бабке ходим, — вздохнула Наташа. — Может, отговорит, может — посоветует...

Бабка Варвара долго катала куриное яйцо по макушке Василия, затем мастерским движением разбила яйцо о край стакана. По комнате разнесся резкий запах просроченного пива, и она зацокала языком:

— Мощная хворь, ой мощная! Рентгенов тридцать будет.

Наташа благоговейно посмотрела на стакан, вспоминая свою неудачную шутку насчет чернобыльского тельца.

— А что же делать? — спросил Василий.

Бабка пригляделась к темному содержимому стакана, в котором плавали какие-то хлопья, подумала немного и изрекла:

— Это тебе жизнь в голову дала. Ежели отымет...

— Это я ему в голову дала, — всхлинула Наташа, — сапогом.

— Чего?! — удивился Василий.

— Ну... Тогда ты вечером пьяный пришел, я тебя сапогом и врезала.

— Как жизнь дала, так и отымет, — назидательно произнесла бабка Варвара. — Сымай сапог, доченька, оты мать будешь.

— Как? — всполошилась Наташа. — Сапогом?

— Именно им. Думай, что тогда думала, говори, что тогда говорила, и бей в то же самое место.

— Эй! — возмутился Василий. — А моя голова?

— Голова — кость, что ей сделается! — рассудила бабка.

Наташа сняла сапог и подошла к Василию, усевшемуся на высокую бабкину кровать.

— Упырь! Увалень ужравшийся! — дрожащим голосом выкрикнула Наташа и резко опустила сапог на голову мужа.

— Ох ты! — заморгал он. — А ну-ка, стакан!

Вода в стакане снова забурлила и стала пивом.

— Сильнее надо, доченька, сильнее! — посоветовала бабка.

— Ублюдок! Упырь! Сколько ж моей кровушки! — взвизгнула Наташа, замахаясь сильнее.

ФАНТАСТИКА

На этот раз Василий моргал дольше, скрежеща зубами, но вода опять превратилась в ненавистный напиток.

— Не так надо, — вздохнула бабка и забрала у Наташи сапог, — дай-ка, покажу. — И далее без лишних слов крепко приложила им Василия по темени. Тот опрокинулся на спину, хрипя и суча руками.

— И тогда так же было, — в ужасе произнесла Наташа.

— Видишь, работает! — засуетилась бабка, надевая на шею Василия маленькую иконку Богоматери.

Спустя некоторое время Василий очнулся и сел.

— Голова не болит, касатик? — поинтересовалась бабка Варвара.

— Есть немножко, — хмуро отозвался он.

— Стакан возьми.

Василий взял обеими руками стакан с водой. Но ее цвет не изменился.

— Вода! — радостно сказал он и сделал глоток. — У-у-ух! — еле проговорил затем, выпучив глаза.

Бабка забрала стакан, понюхала и, обмакнув палец, лизнула.

— Восемьдесят три градуса, — оценила профессионально.

— Что там? — спросила Наташа.

— Сс... Самогон! — наконец отдышался Василий.

— Правее надо было брать, — заключила бабка задумчиво. — Дай-ка, дочка, сапог...

На этот раз Василий лежал без памяти почти полтора часа. Пока шло время, бабка научила Наташу вязать крючком и составлять отворотное зелье на случай супружеской измены.

Когда же он открыл глаза, то взгляд его был необыкновенно ясным. Бабка сунула ему в руки очередной стакан, и вода там так и осталась водой.

— Вот и ладушки, — подытожила бабка, откидывая кружевное покрывало с новенького кассового аппарата. — С вас, голуби мои, триста рубликов всего лишь.

С тех самых пор Василий стал трезвенником и действительно не берет в рот ни капли спиртного. Вода, к которой он прикасается, так и остается водой, чай — чаем, а молоко — молоком. И только спиртные напитки в его руках превращаются в обыкновенную воду.

(Историческая справка. Царь Мидас правил в Фригии в 738–696 годах до н.э. Согласно мифу, был наделен богом Дионисом способностью обращать в золото все, к чему бы он ни прикасался.)